

Владимир АНДРЕЕВ:

Рос. газ. - 1993. - 13 нояб. - с. 8

«ОТ НЫТЬЯ И ПЕССИМИЗМА БОЛЬШЕ ВСЕГО УСТАЕШЬ»

Московский театр имени М. Н. Ермоловой на протяжении нескольких сезонов переживает успех и возвращение главного режиссера, драматическое действие на театр имени Ермоловой во главе с Владимиром Андреевым и одноименный Международный театральный фестиваль под руководством Валерия Фокина. Сегодня страсти поутихли. Фокин уехал в зарубежье. Андреев вчера возвратил зрителям одну из самых популярных сценических площадок Москвы.

— Владимир Алексеевич, слухов об этом доме на Тверской ходит немало, а что на самом деле?

— Театр имени Ермоловой живет и 12 ноября после нудного, затяжного ремонта наконец после длительного четырехлетнего перерыва открыл большую сцену премьерой спектакля «Бедность — не порок» в моей постановке. На малой сцене, все это время помогающей нам не забыть о том, что мы — ермоловцы, режиссер Фаина Веригина поставила пьесу «Узники второй авеню» Нила Саймона. Также впервые москвичи увидят те спектакли, которые до сих пор мы показывали только на гастролях и выездах в подмосковные города.

— Год Островского уже подарил нам несколько ярких премьер. Кажется, удивить, увлечь столь знаменитой пьесой, как «Бедность — не порок», в этой ситуации сложно...

— Вот и прекрасно, что к творчеству удивительного мастера слова и сценического

действия обратились сразу несколько театров. Для меня встреча с Островским отнюдь не проходной эпизод, вызванный юбилеем. Я и дружил с ГИТИСом зацепившись за Елеси в «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Ставил спектакль Андрей Александрович Гончаров, мой учитель. Позже, уже на этой сцене, был Васильевым в «Бешеных деньгах» в режиссуре Андрея Михайловича Лобанова. Он руководил нашим курсом в ГИТИСе. Много лет я играл и в «Лесе», а одной из первых самостоятельных режиссерских работ была пьеса «Не в свои сани не садись». Как раз тогда меня назначили главным режиссером, и недоброжелатели иронизировали: дескать, Андреев ставит пьесу с весьма красноречивым названием!

Но спектакль получился веселым, озорным. Актеры играли с удовольствием. Сейчас происходит что-то похожее. Во всяком случае, мне симпатично отношение к нашей затее артистов разных поколений — и опытных Николая Макеева, Владимира Заманского, Татьяны Говоровой, Бориса Быстрова, и молодых — Зины Качановой, Олега Филищичка.

— Новые спектакли общедоступны и афиша Международного

театра имени Ермоловой. Как предполагаете жить дальше под одной крышей?

— Раскол в театре произошел еще до моего возвращения, поэтому я не вправе сейчас смаковать вчерашние подробности. И тогда, и теперь воспринимаю случившееся как драму. Но все-таки драму, не трагедию, потому что и у нас в театре, и в центре многие понимают, что имя Мария Николаевна Ермоловой должно не разделять, а объединять. Существует проект объединенной дирекции «Театр — Центр», которая займется координацией усилий двух коллективов по использованию большой сцены и всего здания. Задача нелегкая, но это лучше, чем конфронтация или попытка одних выжить за счет других. Консолидация позволяет от метамфиз перейти к предметной размышлению о реконструкции здания. Оно очень старое, да и строилось отнюдь не для нужд искусства. Хотелось бы сделать наш дом более просторным, удобным, современным, но и сохранив старинный фасад и такие атрибуты театра, как сцена, зрительный зал. Полагаю, что инвесторы, вложив средства в реконструкцию, найдут возможность соблюсти и собственные интересы.

Но это должны быть интересы, близкие театру, культуре, направленные на ее развитие.

— Уже привычно, что за помощью культура чаще обращается к меценатам, спонсорам, энтузиастам, чем к государству. Ваш проект объединенной дирекции «Театр — Центр» завесел от подписей руководящих работников?

— Но мы ведь бюджетный театр и не хотели бы отторгать себя от городского правительства. Без дотаций сегодня прожить невозможно — самый скромный дамский костюмчик в спектакле по Островскому стоит не меньше ста тысяч. А спонсорство — вещь пока что неважная. Нет ничего постыдного в том, что искусство не способно себя прокормить, но важно не попрошайничать, а добиваться того, чтобы помогли с охотой, не кидали, как кости. Да и самим надо учиться зарабатывать. И обязательно заниматься благотворительностью, ездить со своими спектаклями в глубинку, идти к детям, инвалидам. Об этих простых вещах порой забывают, забываясь больше об утверждении собственного «я».

— Встречаете ли понимание у городских властей?

— Я был бы несправедлив, сказав, что в правительстве Москвы мы натываемся на стену непонимания. Там есть люди, искренне заинтересованные в выживании культуры, театра. Но есть и другие. Уже на подсудках к такому начальнику по ледяному тону секретарши догадываешься, что времени и сил придется потратить йому, что встретят тебя полупрезрительным-полуравнодушным. Но и это надо преодолевать — как нечто временное. Достоевский утверждал, что политика чести и бескорыстия есть не только высшая, но может быть, самая выгодная политика для великой нации. Вот и надеемся, что честь, бескорыстие по отношению к культуре, ко всему тому, что сохраняет и развивает жизнь, станут нормальной государственной политикой.

— А сегодня примеры бескорыстия дает сама культура. В частности, молодые театры-студии, вот же «Тест». Как он начинался?

— В 1988 году я оказался вне театра. В ермоловский еще не вернулся, из Малого ушел. А работать хотелось страшно. Как раз в тот год у меня был выпуск в ГИТИСе. Вот мы с ребятами и с актрисой Наташей Вилькиной и начали репетировать. Условия

ужасные: какие-то полуподвалы, жакетные «красные уголки», откуда нас выгоняли. Причем гнали с удовольствием — ишь, такой знаменитый, а эк куда тебя завесло. В подвал! Но от нытья и пессимизма больше всего устаешь, и тут появляется азарт доказать, победить. Спектакль «Лев зимой» по пьесе Голландиуса все-таки получился. Ездил с ним в Англию. Потом — приглашение на театральный Фестиваль во Франию, затем — в Данию. Со временем некоторые студийцы влились в ермоловскую труппу, на малой сцене идет несколько постановок «Теста». Сейчас репетирем «Страсти о Гамлете», и опять очень интересно, необычно. Работают ребята самозабвенно, получают гроши. И не разбегаются, не предают свое дело.

— Ермоловцы возвращаются на главную свою сцену после долгого антракта, в новое историческое время. Каким авторам обратитесь вслед за Островским? Какое направление выберете?

— Все кланится любовью к человеку, и некоторым действительно удается сохранить это чувство. Но для того, чтобы говорить о человеке всерьез, нужен репертуар, который актеру поможет раскрыть всю сложность характера его героя, а режиссера увлечет яркой, своеобразной формой. И конечно надежной. В этом направлении и будем идти. Сейчас начали репетировать комедию Леонида Зорина «Союз оликович сердец» и спектакль по новеллам Александра Вампилова «Сумочка к ребру».

Интервью взяла Мария РУБАНЦЕВА.